

Александра Анненская

Старшая сестра

Александра Анненская
Старшая сестра

«Public Domain»

1882

Анненская А. Н.

Старшая сестра / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1882

«В просторной, ярко освещенной столовой Дмитрия Ивановича Сольского сидело за чайным столом все его семейство, состоявшее из жены и троих детей: десятилетней дочери Маши и двух маленьких сыновей пяти и четырех лет. Мать о чем-то задумалась над своей чашкой чаю, а дети в это время вели не совсем дружелюбный разговор...»

© Анненская А. Н., 1882

© Public Domain, 1882

Александра Никитична Анненская

Старшая сестра

В просторной, ярко освещенной столовой Дмитрия Ивановича Сольского сидело за чайным столом все его семейство, состоявшее из жены и троих детей: десятилетней дочери Маши и двух маленьких сыновей пяти и четырех лет. Мать о чем-то задумалась над своей чашкой чаю, а дети в это время вели не совсем дружелюбный разговор.

– Митя, – замечала Маша внушительно младшему брату, – ты опять пьешь чай с ложечки; ведь мама велела тебе наливать на блюдечко.

– А тебе что за дело? Я так хочу. Ты не мама, – отвечал мальчик, далеко неласковым голосом.

– Я тебе говорю, чтоб ты пил с блюдечка, – возвысила голос Маша, – вот я отниму у тебя ложку, – и она протянула руку к ложечке брата.

– Не дам, моя ложечка! – закричал Митя.

– Опять вы ссоритесь, дети, – заметила Софья Ивановна Сольская.

– Мама, она отнимает мою ложку!

– Мама, он опять не пьет с блюдечка! – в один голос пожаловались дети.

– Оставь его в покое, Маша, – строгим голосом сказала Софья Ивановна, – а ты, Митюша, пей чай как большой мальчик; вон идет папа, тебе будет стыдно, если я при нем начну поить тебя точно крошечного ребенка.

Дети присмирели; в комнату вошел Дмитрий Иванович, держа открытое письмо в руке. Он сел подле жены.

– Я сейчас получил письмо от сестры Лидии, – сказал он ей, – она собирается переехать в Петербург.

– От какой, папа, Лидии? – спросил старший мальчик.

– Не мешайся не в свое дело, Петя, – заметила брату Маша; – ты видишь, папа говорит с мамой.

– Ты, кажется, недоволен этим? – спросила у мужа Софья Ивановна, не обращая внимания на детей.

– Нет, отчего же? Мне все равно.

– Все равно, а в прошедшем году, когда твоя сестра Лиза приезжала на месяц в Петербург, ты с ума сходил от радости!

– То была сестра Лиза: это совсем другое дело!

– Отчего же?

– Я расскажу тебе после, – отвечал Дмитрий Иванович, делая знак, что не хочет говорить при детях, которые начали прислушиваться к разговору родителей.

После чая мальчики ушли спать, Маша занялась в столовой раскладыванием новой складной картинки, а Софья Ивановна пошла за мужем в его кабинет.

– Ну, расскажи же мне теперь, что хотел, о сестре Лидии, – попросила она его. – Отчего ты можешь не любить ее: разве она дурная женщина?

– О, нет, я давно не видел ее, но я не слышал о ней ничего дурного; это так, воспоминания детства.

– Ну, все таки расскажи, мне интересно послушать о твоём детстве.

– Изволь, если тебе это так хочется. Из моего рассказа ты поймешь, отчего я не так расположен к сестре Лидии, как к Лизе.

– Мать моя умерла, когда мне было шесть лет, Лиде тринадцать, а Лизе четыре. Отец был небогат и не мог брать нам гувернанток; сам же редко занимался с нами. Лидия была такая рассудительная, трудолюбивая и аккуратная девочка, что, по-видимому, вовсе не нужда-

лась в надзоре старших. Она взялась вести все наше маленькое хозяйство и, говорят, вела его превосходно. Все родные и знакомые восхищались ею, отец не мог довольно нахвалиться ею, только мы с Лизой видели в ней больше недостатков, чем достоинств. Мы были совершенно на её руках, в полном её распоряжении, и Боже мой, с какой беспощадной суровостью умела распоряжаться нами эта, по-видимому, такая тихая девочка! Я был живой, резвый, вспыльчивый, несколько своевольный мальчик. Лидия вздумала исправить меня от этих недостатков. Сама еще ребенок, она не знала, конечно, как взяться за дело и вместо пользы приносила мне только вред.

В эту минуту толстая портьера, отделявшая кабинет от столовой, приподнялась, и Маша неслышными шагами вошла в комнату. Услышав, что отец что-то рассказывает матери, девочка захотела послушать его и тихонько села на пол за кресло Дмитрия Ивановича. Ни отец, ни мать не заметили её присутствия. Дмитрий Иванович продолжал свой рассказ:

– Лидии непременно хотелось, чтобы я уважал и слушал ее, как мать; я же видел в ней девочку немножко постарше и поумнее меня, девочку, которая при мне иногда получала выговоры от учительницы, приходившей каждый день давать уроки ей и мне, девочку, которую, по моему мнению, нужно было часто и бранить, и наказывать. Когда, бывало, мать за какую-нибудь провинность ставила меня в угол или оставляла без пирожного, я очень огорчался, но нисколько не считал себя обиженным.

– Она мама, – рассуждал я, как, вероятно, рассуждают и все дети, – она может наказывать!

Но когда Лидия сказала мне спокойным, строгим голосом, каким она обыкновенно говорила со мной:

– Ты опять влез на комод, когда я тебе не велела этого; сойди сейчас и встань в угол, непослушный мальчик, – я расхохотался ей в лицо. Я решительно не признавал, чтобы девочка, которая не стояла в углу только потому, что не кому было ставить ее, могла наказывать меня. Я продолжал сидеть на комод, смеясь и поддразнивая сестру. Лидия никогда не сердилась явно, по крайней мере, я не помню, чтобы она когда-нибудь кричала или топала ногами; она сдерживала свой гнев, но, вероятно, тем сильнее чувствовала его. Она ни слова не отвечала на мой смех; но я заметил, что она что-то прибирает в комнате. Через несколько минут она показала мне ключ и сказала все тем же спокойным голосом.

– Все твои вещи заперты в шкафу; ты не получишь ни одной игрушки, пока не попросишь у меня прощения и не простоишь ровно час в углу.

– Ты не смеешь запира́ть мои игрушки, ты не смеешь ставить меня в угол! – вскричал я, соскакивая с комода и подбегая к сестре. – Отдай мне ключ, злая девчонка!

Лидия была сильнее меня: она втокнула меня в соседнюю комнату и заперла там на ключ. До сих пор я не могу забыть, в какое бешенство пришел я в эту минуту. Я стучал кулаками о дверь, плакал, кричал, бранился, грозил сломать все вещи, какие были в комнате, поджечь дом. Лидия не обращала на меня ни малейшего внимания. Я слышал, как она невозмутимо спокойным голосом утешала малютку Лизу, испугавшуюся моего крика и расплакавшуюся за компанию мне; я слышал, как она что-то весело смеялась с кухаркой, как она тихонько напевала за работой, и это равнодушие еще больше раздражало меня.

– И долго пришлось тебе просидеть под арестом?

– Право не знаю; в то время мне казалось что ужасно долго, но на самом деле, вероятно, часа два или три, пока я совсем успокоился, Лидия отворила дверь и спросила у меня согласен ли я простоять час в углу.

– Ни за что на свете, – решительным голосом отвечал я; – придет папа, и я пожалуюсь ему на тебя!

Но и этого не удалось мне. Только что вернулся отец домой, не успел еще он, по своему обыкновению, обнять и поцеловать нас, как уже Лидия обратилась к нему с вопросом.

– Папенька, скажите, пожалуйста, могу я наказать Митю, если он не слушается меня?

– Конечно, можешь, – отвечал отец и потом прибавил, обращаясь ко мне: – «Митя, помни, что сестра заменяет тебе мать; ты должен слушать ее так, как слушал свою покойную маму; тогда и я буду любить тебя; если она тебя наказывает, так это для твоей же пользы: она ведь тебя любит!»

Такого ответа я не ожидал от отца. Лидии позволено было наказывать меня! Я считал себя совсем несчастным мальчиком, забился в угол и неутешно рыдал. Отец был чем-то очень озабочен в этот день, так что ему некогда было утешать меня. Он велел мне не капризничать и перестать плакать, а когда я его не послушал, – без дальней церемонии отослал меня в другую комнату.

Заручившись позволением отца, Лидия начала чуть не каждый день наказывать меня. Она знала, что я был не настолько смирен, чтобы по её приказанию становиться в угол или на колени, и потому она придумывала другие меры: она не давала мне завтрака, не пускала меня гулять, запирала меня одного на ключ в комнату, прятала мои игрушки, иногда даже просто выбрасывала которую-нибудь из них. Как теперь помню: был у меня большой лайковый гусар, которого я особенно любил; раз вечером я что-то заигрался с этим гусаром, Лида два раза строгим голосом напомнила мне, что пора спать, но я не обратил внимания на её слова. – Митя, я два раза приказывала тебе ложиться спать, – сказала тогда сестра: – если ты еще раз не послушаешь меня, ты не увидишь больше своего гусара.

Я и в третий раз не послушался, и пошел спать, когда вдоволь наигрался; а на другое утро, как ни искал, не мог найти своего гусара. Я плакал, просил Лиду отдать мне его, но она оставалась неумолима. Когда пришел отец, я подбежал к нему и со слезами стал жаловаться на свою пропажу.

– Полно, Митенька, – с первых же слов остановила меня Лида, – не беспокой папеньку пустяками; если ты будешь хорошо себя вести, я тебе куплю другого гусара из тех денег, которые папаша дает мне на хозяйство.

Папеньке показалось, что этого утешения для меня совершенно довольно, и он не стал больше заниматься моим горем. Гусар не нашелся; после я узнал, что Лидия сожгла его в печке рано утром, пока я спал, а нового она мне, конечно, не купила, так как я не довольно хорошо себя вел.

– Это даже невероятно, чтобы тринадцатилетняя девочка могла быть до такой степени зла! – вскричала Софья Ивановна.

– Нет, она не была зла, – отвечал Дмитрий Иванович. – Когда Лиза или я заболевали, она очень усердно ухаживала за нами; она заботилась о том, чтобы мы имели все необходимое; часто, когда у отца было мало денег, она ходила сама в разорванных башмаках или очень старой шляпке, а у нас всегда были и крепкие башмачки, и хорошие шапочки; часто до полуночи просиживала она за иглой, починяя наше белье, никому не позволяла она обижать нас; помню, одна кухарка рассердилась на меня за какую-то шалость, назвала меня «сорванцом» и грубо выпроводила из кухни. Лидия тотчас же сделала ей строгий выговор, пожаловалась папеньке, и на другой день кухарке уже было отказано от места. Нет, Лидия не была зла, хотя ребенком я и считал ее ужасно злой. Ей только непременно хотелось распоряжаться нами, заставлять нас во всем слушаться себя. Она не понимала, что лаской и любовью ей гораздо легче будет справиться с нами, что её строгость только раздражала меня, от природы далеко не кроткого мальчика. Ей казалось, что она унижит себя, сравняется с нами, маленькими детьми, если будет принимать участие в наших играх, в наших разговорах, в наших ребяческих горестях или радостях. Она говорила с нами не иначе как строгим, внушительным голосом; если мы болтали с ней что-нибудь про наши игрушки, она сейчас же останавливала нас: «Полноте говорить глупости, вы видите, я занята; что мне за дело до ваших пустяков», и мы сейчас же умолкали или уходили продолжать свой разговор куда-нибудь подальше от строгой сестрицы.

Чем старше я становился, тем труднее было Лиде справляться со мной посредством наказаний. Я делался до того буен, поднимал такой крик и шум, что ей не раз приходилось уступать мне: отпирать раньше определенного срока комнату, где я сидел под арестом, возвращать мне мои вещи и т. п. Тогда она придумала другое, более действительное средство мучить меня. Я всегда был любимцем отца и сам еще при жизни матери, любил его больше всего на свете. Ни с кем так не любил я играть и болтать, как с ним, никому так охотно не поверял я всех своих маленьких секретов. После смерти матери отец реже прежнего бывал дома, стал вспыльчив и раздражителен и не часто сидел с нами, детьми. Но когда он был в духе, он очень любил забавляться со мной: он позволял мне ездить на себе верхом, рассказывал мне сказки, показывал какие-нибудь смешные фокусы. Эти часы были для меня настоящим праздником. Я болтал и смеялся без умолку, теребил и ласкал отца, я был счастливейшим мальчиком на свете. Если бы в эти минуты возни и разных душевных разговоров с отцом я рассказал ему, как обращается со мной Лидия, он, может быть, внимательно выслушал бы меня и постарался бы как-нибудь получше устроить нашу домашнюю жизнь, но дело в том, что когда отец был ласков со мной, я забывал все свои невзгоды. Я был мальчик вспыльчивый, но не злопамятный. Бывало, утром обидит меня Лидия, я сижу и думаю: «постой же, придет папа, все, все ему расскажу, попрошу, чтоб он достал нам хотя какую-нибудь маму, а Лидку гадкую выгнал бы на улицу»; но вот в передней раздается звонок, я выбегу посмотреть, кто пришел, увижу отца, увижу, что он ласково улыбается мне, услышу его веселый голос: – «Здравствуй, постреленок! Что, много ли нашалил?» – и вся моя досада вмиг пройдет, я бросаюсь к нему на шею, он перекидывает меня к себе на спину и несет таким образом по комнате; мне весело, неудержимо весело, я ни на кого больше не сержусь: я становлюсь добр ко всем и совершенно забываю о своем желании выгнать Лиду на улицу. И теперь даже, с тех пор прошло уже 30 лет я с удовольствием вспоминаю об этих блаженных минутах моего детства, я не могу простить сестре, лишившей меня их! Увидев, что наказывать меня нельзя, так как я или сильно буяню, или делаю вид, что не обращаю внимания на наказание и придумываю средства обходиться без тех вещей, которых она меня лишала, Лидия стала жаловаться на меня отцу. Она твердо запоминала каждую мою шалость, каждый мой проступок и пересказывала отцу. Чуть только папенька приходил домой веселый и обращался ко мне с первой лаской, Лида сейчас же останавливала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.